

АРОМАТЫ И ЗАПАХИ В НОВЕЛЛЕ А.П. ЧЕХОВА «НЕВЕСТА»¹

Разнообразие доминирующих запахов у А.П. Чехова можно представить в контексте таких культурологических срезов, как запахи природы, запахи цивилизации, запахи пошлости, «ароматы» любви, запахи болезни и смерти, запахи свободы, запахи пищи и др. Запахами в новелле «Невеста», обозначены поворотные моменты в жизни героини Нади Шумовой.

Запахи родного дома и запахи новоселья. Архетип запаха восходит к мифу о Душе, так как любой аромат – некая тонкая аура, оболочка. [Ароматы и запахи в культуре, 2002: 251].

Маркированные запахи создают подтекст. Семантика запахов, которые Надя ощущает накануне свадьбы, не однозначна: «Из подвального этажа, где была кухня... пахло жареной индейкой и маринованными вишнями» [Чехов, 1977, X: 202]. С одной стороны, это бытовые подробности, но «индейка» перестает быть только житейской деталью – она становится и символом сытой жизни. Ольфакторный код, с одной стороны, подчёркивает чеховскую «футлярность»: сытая жизнь, ей кажется, «*что так теперь будет всю жизнь, без перемен, без конца!*» [Чехов, 1977, X: 202]. С другой – выполняет провокационную функцию: запахи как бы подталкивают Надю к будущему решению. Запахи важны для понимания самочувствия и героини. «Запах жареной индейки и маринованных вишен» – это запах домашнего очага, который однообразен и примитивен.

Способностью ощущать запахи наделены у Чехова персонажи, способные переживать и переосмысливать свою жизнь: Саша – в силу болезни, Надя – в силу ситуации. Впечатление «футляра» усиливают раздражающие Надю, помимо запахов, звуки, предметы обстановки. Страшные Сашины слова («*Сегодня утром рано зашел я к вам в кухню, а там четыре прислуги спят прямо на полу, кроватей нет, вместо*

¹ См.: Ароматы и запахи в культуре: в 2 т. – М., 2002; Козубовская Г.П. Ольфакторный код поэзии А.Фета: благовония./ Середина XIX века: миф и мифопоэтика: монография. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 260с. и др. . См. о новелле: Головачева, А. Еще раз о «девушках, уходящих в революцию». К 100-летию рассказа А. П. Чехова «Невеста» // Брега Тавриды. – Симферополь, 2003. – № 4-5. – С. 277-287; Грачева, И.В. Символика имен в рассказе А.П.Чехова «Невеста» и в пьесе «Вишневый сад» // Лит. в школе. – М., 2004. – № 7. – С. 18-20; Катаев В. Финал «Невесты». Чехов и его время. М.: Наука, 1977. С. 167 и др. О запахах в прозе А.П. Чехова см.: Бабкина, В.В. Мифологема запаха в прозе А.П. Чехова: ладан // мифологический анализ текста: сборник национальных статей. Выпуск 5. – Барнаул, 2004. – С. 37-44 и др.

постелей лохмотья, вонь, клопы, тараканы... То же самое, что было двадцать лет назад, никакой перемены» [Чехов, 1977, X: 203]) составляют отрицательный полюс запаховой парадигмы, выдвигая на первый план мотив нечистоты, переносный смысл которого реализуется в подтексте. Эта «вонь» функционирует как отравляющее вещество, ассоциирующееся с запахом грязи, бедности, неаккуратности, старости, и становится символом провинции.

Именно запахи исподволь порождают в Наде отвращение, во всём ей видится пошлость. Двухэтажный дом с блестящими полами, венскими стульями, «нагой дамой в золотой раме» вызывает ужас: в этом подспудное ощущение того, что этот дом окажется для неё ещё худшим футляром, из которого уже вряд ли когда-нибудь удастся выбраться.

Число «7» играет существенную роль в новелле: на седьмое июля месяца была назначена свадьба, по семь чашек чая выпивал Саша за раз; в новом осмыслении жизни также присутствует «семерка»: *«жизнь в сознании делилась на простейшие элементы, как бы на семь основных цветов»* [Чехов, 1977, X: 218]. Число «7» значимо в христианской символике и является сакральным: Бог 7 дней творил Вселенную, на 7 день воскрес Иисус Христос [Энциклопедия символов, 2006: 355]. Так, архетипическое число содержит скрытый сюжет метаморфоз героини [Энциклопедия символов, 2006: 355]. Неслучайно из мужских персонажей не жених Андрей Андреич, артистически одаренный, связан с числом «7», а чахоточный Саша, пьющий чай. Ароматы свежеприготовленного чая вызывают ассоциации с домашним уютом, теплом, семьёй, домом. На мифопоэтическом уровне чай оказывается апотропеическим – избавляющим от злых сил, от наваждения [Афанасьев, 1996, 324]. Ритуал, которым окружена эта церемония, внушает человеку спокойствие, расслабленность и ясность в мыслях, возможность отрешиться от будничных дел [Жульен, 1999: 465]. В обряде чаепития содержится религиозный подтекст, глубокое духовное содержание, целью которого является «очищение ума и сердца»². Саша в рассказе пьёт чай по русским традициям из блюдечка³: *«Саша сидел у стола и*

² Обряд чаепития – это старинный русский брачный ритуал, когда после проведенного праздника супруги садятся за неубранный пустой стол и выпивают вдвоем по чашке чая. Этот обряд символизирует единство супругов в собственном доме.

³ В Индии существует своя легенда о происхождении чая – будто факир Дхарма случайно открыл бодрящее действие чайного куста. В своём желании провести семь лет без сна и посвятить это время буддийской вере, факир был внезапно сражён неопишуемой усталостью. Опускаясь на землю от немощи, он удерживался за ветки растущего рядом куста. Несколько листьев с ветки, оказавшиеся в его руках, он положил себе в рот с умыслом: не заснуть при их

пил чай, поставив блюдечко на свои длинные пять пальцев...» [Чехов, 1977, X: 209]. Кроме того, ритуал чаепития в русской культуре связан с брачной символикой.

«Запущенный сад» и его метаморфозы. Действие новеллы А.П. Чехова «Невеста» начинается с упоминания сада: *«Было уже часов десять вечера, и над садом светила полная луна»* [Чехов, 1977, X: 202].

Сад, согласно фольклорно-мифологической традиции, ассоциируется с раем. Поклонение садам восходит к древнейшим временам: обители богов были окружены цветущими садами с прудами, природными водоёмами [Жульен, 1999: 347]. Сад – это не только «приют уединенный», где царит красота и благоухание. Сады и парки теснейшим образом связаны с бытом их хозяев, с укладом жизни⁴.

Знаковым в пространстве дома является открытое окно, в которое Надя смотрит из сада. Окно – символ двери во внешний мир в реальности настоящего. Но это также вход в потусторонний мир, пространство прошлого. Архетипическая семантика в какой-то мере объясняет появившиеся в майскую ночь ненужные мысли, вызванные непонятными беспокойством и страхом.

Значимым является и присутствие в саду кустов сирени: *«В большое старое окно виден сад, дальние кусты густо цветущей сирени, сонной и вялой от холода...»* [Чехов, 1977, X: 206] Одно из значений сирени – первое волнение любви⁵. Миф о нимфе Сиринге,

пережёвывании. Действительно, после этого его слабость прошла, и Дхарма до конца смог посвятить себя задуманному [Афанасьев, 1996]. В Японии гейши должны владеть ритуалом традиционной японской церемонии чаепития. Цель японской чайной церемонии – очищение и стремление к внутренней гармонии. Чайная церемония в глазах европейца – это экзотический ритуал, красивое приготовление чая или духовная практика. В китайской чайной церемонии все это есть, но на первый план выступает наслаждение вкусом и ароматом [Афанасьев, 1996: 126] См. о чае: Похлёбкин, В.В. Чай: его типы, средства / В.В. Похлёбкин. – М.: Легкая и пищевая промышленность, 1981. – 119 с. См. также: Федосеенко, 1998: 108.

⁴ По мнению Т.П. Каждан: «Существовал широкий спектр взаимоотношений владельцев усадьбы с крестьянами, существовали разные формы хозяйствования в усадьбах. Мир усадьбы – это судьбы людей, семей, иногда нескольких поколений. Понять характер усадьбы – значит узнать, каков ее хозяин. Отсюда внимание авторов очерков к биографиям владельцев усадеб, образу их жизни...» [Каждан, 1997].

⁵ В русской культуре сирень – обязательный атрибут дворянской усадьбы («Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Обломов» И.А. Гончарова). Кроме того, это растение, которое высаживали на могилах, т.к. оно, обладающее сладким запахом, несло идею вечного успокоения. На языке цветов, фиолетовые цветы обозначают тихую скорбь [Федосеенко, 1998: 96]. См. также: Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. – Киев: Довира, 1994. - 255 с.

которую преследует Пан⁶, раскрывает подтекст эпизодов ожидания невестой предстоящей свадьбы: несвобода, принужденное замужество и последующая за этим однообразная жизнь. Запах сада превращается в символ бесконечной жизни.

«Ольфакторное» замещается «визуальным» в сцене отъезда Нади: *«Дождь стучал в окна вагона, было видно только зеленое поле, мелькали телеграфные столбы да птицы на проволоках, и радость вдруг перехватила ей дыхание.. Она и смеялась, и плакала, и молилась»*. [Чехов, 1977, X: 215] Расширяющееся пространство – метафора обретаемой свободы, семантика которой закреплена птицами на проводах. «Задыхание» здесь приобретает полярную, по отношению к традиционной, семантику: «задыхание от счастья» как знак перехода в новое измерение.

Московские запахи. Сашино пространство – пространство *«литографии, где было накурено и сильно пахло тушью и красками»* [Чехов, 1977, X: 216]. В картине разночинного, холостяцкого быта подчеркнута неряшливость: *«...потом пошли в его комнату, где было накурено, наплевано; на столе возле остывшего самовара лежала разбитая тарелка с темной бумажкой, и на столе и на полу было множество мертвых мух»*. [Чехов, 1977, X: 216] «Мёртвая муха» – «магический двойник» Саши, его персонифицированная душа и предвестие его близкой смерти. С этим связано ощущение Нади – своеобразная разочарованность в Саше: *«Они посидели, поговорили; и теперь, после того как Надя провела зиму в Петербурге, от Саши, от его слов, от улыбки и от всей его фигуры веяло чем-то отжитым, старомодным, давно спетым и, быть может, уже ушедшим в могилу»* [Чехов, 1977, X: 217]. Использованный в авторской ольфакторной характеристике персонажа глагол «веять» – метафизический знак приближающейся смерти.

Возвращение блудной дочери. В финале новеллы отсутствует даже упоминание о запахах, но появляются вкусовые ощущения. В смене парадигм – появившийся вкус к жизни, которым не обладала Надя, живущая дома. И в то же время ощущение пустоты – Дом без души: *«И обедала хорошо, и пила чай со вкусными, жирными сливками, но чего-то уже не хватало, чувствовалась пустота в комнатах, и потолки были низки»* [Чехов, 1977, X: 218]. Снижающиеся потолки по мере привыкания к дому – знак внутренней неудовлетворенности. Только сад остался прежним, приветливым, весёлым: *«... а в окнах тот же сад, залитый солнцем, веселый, шумный»* [Чехов, 1977, X: 218]. Ностальгия по столице (*«Ей страстно*

⁶ Преследуемая влюблённым в неё Паном, нимфа Сиринга была превращена в куст сирени. См. Мифы Древней Греции. – М., 2008.

хотелось жить, хотелось в Петербург, и знакомство с Сашей представлялось уже милым, но далеким, далеким прошлым» [Чехов, 1977, X: 219]), вылившаяся в отъезд, сопровождается отсутствием запахов как знаком абсолютного разрыва с прошлым.

Библиографический список

1. Ароматы и запахи в культуре: в 2 т. Т. I. - М Новое литературное обозрение, 2003. – 604 с.; Т. II. – 664 с.
2. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 3. – 415 с.
3. Каждан, Т.П. Художественный мир русской усадьбы / Т.П. Каждан. – М.: Традиция, 1997. – 319 с.
4. Мифы Древней Греции. – М.: Эксмо, 2008. – 288с.
5. Жюльен, Надя. Словарь символов. Иллюстрированный справочник. / Н. Жюльен. –[Челябинск: Урал LTD, 1999.](#) – 497 с.
6. Мифы народов мира: энциклопедия. / В.Н. Топоров. – М.: Энциклопедия, 1980. – Т.2. – 719 с.
7. Федосеенко, В.М. Флора и Фавн. Мифы о растениях и животных / В.М. Федосеенко. – М.: Русь, 1998. – 255 с.
8. Чехов А.П. Собр. соч. и писем : в 30 т. / А.П. Чехов. – Т. X. – М.: Наука, 1977. – 495 с.
9. Энциклопедия символов / сост. В.М. Рошаль. – М. : АСТ, СПб.: Сова, 2006. – 1007 с.